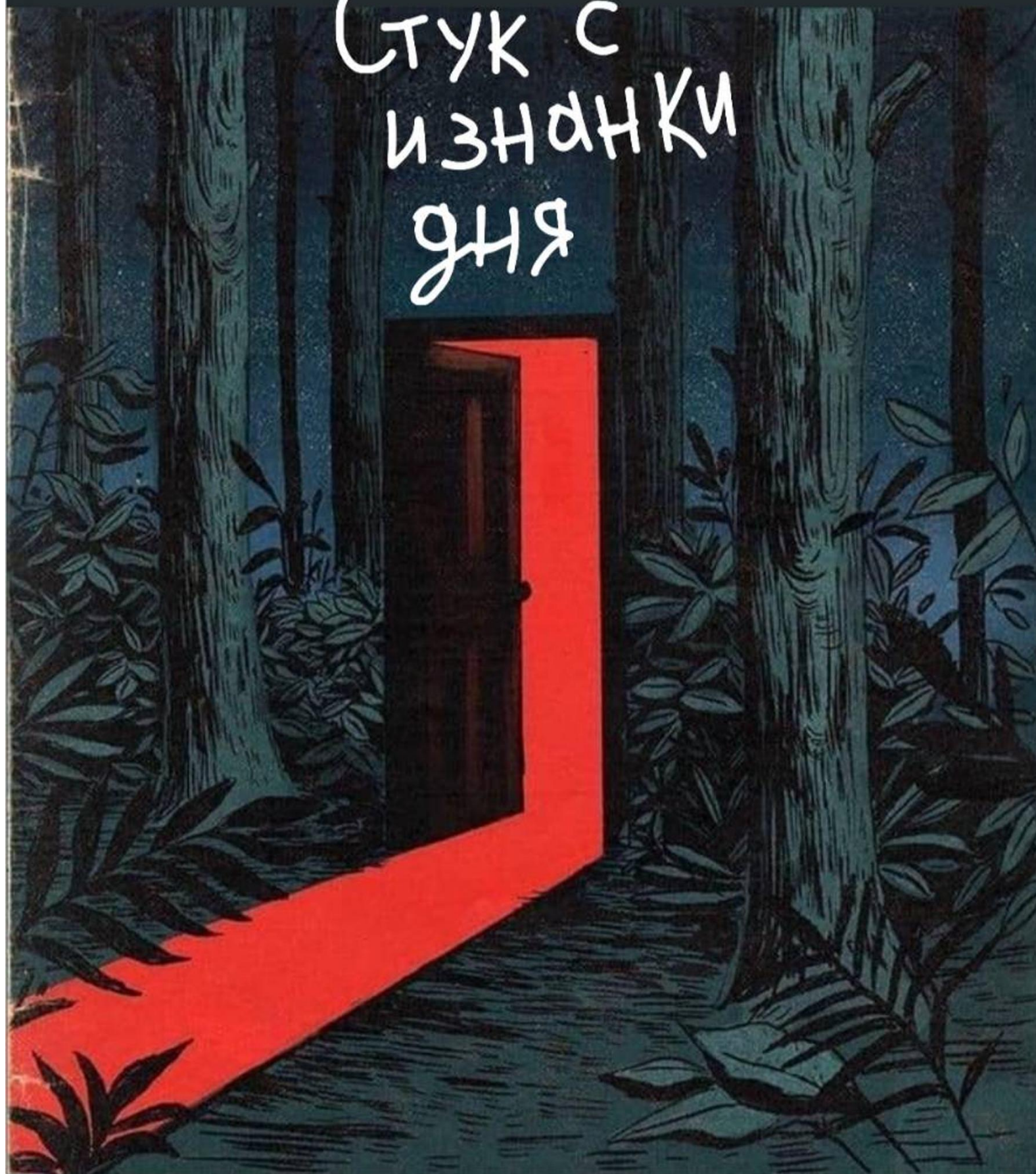

А. Назар

Стук с изнанки дня

(микрофэнтези, монологи,
видения)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Назар

Стук с изнанки дня

«Автор»

2026

Назар А.

Стук с изнанки дня / А. Назар — «Автор», 2026

Когда под полом навь, а под лужами на асфальте или брусчатке что-то зашито. Когда умер, будучи отражением. Когда туманы поют, а дом твоей родственницы перекраивает тебя под себя. Что почувствуешь и найдёшь за изнанкой дня? Это очень короткие зарисовки, но с долгим послевкусием. Послевкусного вам чтения, заглянувший.

© Назар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Самая короткая ночь	5
По ту сторону зеркала	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

А. Назар

Стук с изнанки дня

Самая короткая ночь

Чиркнул спичкой – и ночь прошла. Когда по полгода людей не видишь, можно поговорить и с тварями. Старый, в целом, не тосковал по людям, но в самую короткую ночь, если что-то приходит, почему бы, как говорится, и на встречу не пойти.

На маяке было ветрено, на море толкались темноголовые волны, если кому-то там нужен свет сегодня, то тучи и хрипло-горластый норд-вест его изрядно изжуют и сточат прежде, чем выплюнуть им в лицо.

Старый подумал, закрыть ли дверь, и тоже плюнул – на это дело.

Первым, конечно, был никудышный костлявый чёрт, будто не с этого моря, тут не наестся, думалось старику, было странно, хотя кто его, чёрта, знает, он неудачник по их там чертячьим меркам или просто такая конституция. Старый скептически глянул в его испитую костлявую рожу цвета луны и пены и молча зашагал вперёд.

- Не надумал? – уныло спросил чёрт в спину, хотя ответ, видимо, знал.

Что он может предложить, этот доходяга, и с чего они взяли, что одиночку проще смазать.

- Не такая уж вкусная у тебя душа. И с чего ты взял, что её где-то ждут, кроме как у нас?

Старый шёл дальше.

Чёрт шуршал галькой вдоль берега, всю ночь будет там шататься, может, это какой-то его индивидуальный чёрт? Приставлен, бедолага, следить исключительно за его, старого, солёной жёсткой тушей и надеяться, что там, под ней, что-то есть.

Он одолел подъём по камням и врезался в бабий крик.

Ива и кто-то кустистый, чьего имени он не знал, выясняли, кто рос тут раньше и кто имел больше права на землю. Они обзывались и требовали рядом растущих хвойных швырнуть в «пустокорку» шишками, хвойные, как всегда, пережёвывали своё спокойствие внутри стволов и под колко-хмурыми бровями держали нейтралитет. Даже обрётши голос на одну ночь, они его не использовали. Ива же и кто-то кустистый использовали, с точки зрения старого, понапрасну.

Пройдя сквозь крик, пары закипающей салицилки и плотный запах ругани – в обычное время деревья общались воню, их даже море не перебивало, вот и теперь – старый решил, что на обратном пути попробует спросить, не нужно ли им чего, если старые дурры вообще услышат, сколько он тут работает, а лесу до него дела нет, справедливости ради, ему до леса тоже.

Оставалось недолго и недалеко.

Чиркнешь телом – и ночь прошла. Загоришься чуть больше, чем нужно, и не переберёшься, а потухнешь. Но та сторона втягивала, и надо было как умеешь. Его понесло со всеми, втянуло со всеми, он сжался и сразу расправился до... травы? Ветерка? Сверху сильный, но здесь, из-за них, стихает. Да, это, кажется, второй мир, значит, и в этом году нормально.

Огоньки прибывали из-под папоротников, мха и верхних корней, вылезших на воздух. Они собирались в струи, галактики чуть больше пня и стайки. Они гуляли со скоростью рек на равнине. Одни потекли в море – где чёрт со скуки наловил их в банки и расставил у костра на берегу; теперь у него приманка, можно выходить в море и рыбачить, душу какого-нибудь утопленника, если она не протухла на дне, можно продать своим же, этим же огоньком натрёшь

– и вроде как праведник. Другие ушли в чащу, и что они там каждый год делали, старый не знал. Кто-то сел на иву и на кустистого, и, не в силах согнать их и сплюнуть, они обзывали их пустышками: ни плодов, ни корней, ни тепла, ни газа, ни съешь их, ни они, прости хвойсподи, тебя не едят...

Старый ждал на краю поляны и машинально перебирал гостинцы в кармане: свечной огарок, две-три спички, фото кого-то, забытое прежним зрителем... у него, кстати, кончаются вещи прежнего. Ещё два-три года, и надо будет давать свои... Ну, или в море что-то вылавливать.

Дома ещё гостинцы...

Голубоватый, с бело-туманными краями, выделился из потока, немного поднялся и, в своём водяном – речном, не морском – ритме слегка покачиваясь, поплыл к старому.

- Привет, - раздалось из него неопределимым голосом.

Поначалу, в первые годы, старый пытался как-то его себе описать: взрослый он или нет? Есть у него пол, какие-то звуковые особенности? Старый всё-таки бы поставил на свой, мужской. А вот с возрастом всякий раз представлялось по-разному. Просто спросить – так оно не всегда понимало вопросы, вернее, не всякие. И не всё ещё могло объяснить для него, иномирного существа. Всё же большую часть ночи они будут обсуждать, что каждый делал весь год. У него дела были однообразны, но огонь так не считал. У огня дела были разнообразны, но огонь так не считал, и всё из него приходилось вытягивать, выдувать из огня, высматривать в колыбельно-качающемся его теле – свете.

- Здравствуй.

Старый полез в карман, и вскоре они возвращались назад к маяку. Впереди была ночь, но ночь была очень короткой.

По ту сторону зеркала

В основном, ты обездвижен. Заходят редко, а в восемь их человеческого вечера гасят свет и запирают дверь. С восьми их вечера до восьми их утра ты парализованный в темноте.

По будням меньше, по выходным больше – так можно предположить, какое время с их стороны, так можно предположить, что туалет где-то в парке или в похожем месте, где больше народу по выходным. Мне отсюда не видно дверь, а когда меня разворачивает к ней, я вижу нашу. Т.е. видел бы, если б она существовала. Всё, что не попадает в зеркало, не существенно. Не сущностно. Не существует. Вспоминаю слова. Пока я ещё что-то помню, я развлекаюсь этим.

Заходят мужчины и женщины, меня относит к краю, и дальше я становлюсь аватаром, управляемым ими, марионеткой в их человеческий рост, особенно я чувствую плечи, мышцы в предплечьях, затылок и шею как что-то одно, кисти рук, на которые льётся вода, я не чувствую, воды нет с моей стороны – она не попадает в зеркало.

Ты всю жизнь был только отражением. Как-то так. Ни одной своей мысли, ни одного действительно своего поступка – как-то так это объясняется.

Я не помню обстоятельств своей человеческой жизни – видимо, это так, раз теперь это так.

Кафельное пространство сминается в мешок по бокам от зеркала и пропадает. Кафельное время струится по мне, по затылку, который я чувствую лучше, и ощущается как материальный объект. Прохладный. Держащий меня в себе. Я не знаю, есть ли условия, из разряда: десять веков так, а потом – если я не убийца в той жизни – переводим тебя в квартиру. Или в дом. В чей-то чужой уютный мирок, в котором можно попробовать привязаться к владельцу. Предел мечтаний зеркала.

А они думают, почему одно отражает красивым, как доброе, а второе... Хрен там плыл. Даже на доброту отражений я никак не влияю.

Я отражаю живых в общественном туалете. Без смысла. Воли. Вовлечённости. Это я развлекаюсь тяжеловесными их понятиями. Когда помутится рассудок, помутнеет стекло? Думаю, хрен там плыл и в этом.

До восьми их человеческого вечера я могу рассматривать – боковым зрением и прямым, в котором один ракурс, глазами двигают тоже люди – их человеческий туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.